

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН УЖАСОВ

АРХИВ ТИШИНЫ

ДЕВЯТЬ ИСТОРИЙ. ОДНА УКРАДЕННАЯ ЖИЗНЬ.

HIEVIR

Нієвір

Архив тишины

«Автор»

2026

Hievir

Архив тишины / Hievir — «Автор», 2026

Реставратор аудиозаписей Елена Морозова приезжает в заснеженный Яркск, чтобы оцифровать архив закрытого научного института. В первой коробке она обнаруживает кассету, записанную её собственным голосом. На плёнке — история лифтера, столкнувшегося с несуществующим этажом. Следующие записи рассказывают о доме, считающем человеческие вдохи, телефоне с затопленной станции и тенях, которые остаются на снегу без своих владельцев. Герои этих историй не знакомы друг с другом, но каждого связывают девять потерянных минут, девочка с красной лентой и секретный эксперимент «Мнемос». Чтобы понять, кто говорит её голосом, Елене придётся собрать девять свидетелей и открыть Сектор 14. Однако последняя запись не просто раскроет тайну архива — она заставит Елену узнать, кому на самом деле принадлежат её воспоминания и имеет ли она право продолжать чужую жизнь.

© Hievir, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог. Коробка 14	6
Глава 1. Лифт, который помнит этажи	8
Глава 2. Дом, считающий вдохи	11
Глава 3. Звонок с затопленной станции	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Нievir

Архив тишины

Глава

Реставратор аудиозаписей Елена Морозова приезжает в северный Ярск, чтобы оцифровать архив закрытого научного института. В первой же коробке она находит кассету, записанную собственным голосом. На пленке — история лифтера, которого преследует несуществующий девятый этаж. Следующая запись рассказывает о доме, считающем человеческие вдохи. Потом звонит телефон с затопленной станции, на снегу появляются чужие тени, а постояльцы гостиницы начинают забывать свои имена.

Герои этих историй не знают друг друга. Но каждый из них однажды встретил девочку с красной лентой в волосах. Каждый потерял девять минут памяти. И каждый должен вернуться в Сектор 14 — туда, где много лет назад ученые попытались сохранить человека в чужих воспоминаниях.

Чтобы узнать, кто говорит ее голосом, Елене придется дослушать все пленки. Последняя запись объяснит каждую странность. И разрушит единственную историю, в которой она еще существует.

Пролог. Коробка 14

В Ярске снег не падал — он поднимался.

Ветер с реки подхватывал сухую крупу у бетонных набережных, гнал по улицам и швырял вверх, к темным окнам. Из-за этого казалось, будто город стоит на дне белого моря, а снег ищет трещины, через которые можно выбраться.

Елена Морозова приехала вечерним поездом. На перроне ее ждал мужчина в вязаной шапке, старой армейской куртке и с картонной табличкой «АРХИВ». Имени на табличке не было.

— Борис Аркадьевич, — представился он, забирая чемодан. — Завхоз. В письмах мы общались.

Голос у него был осторожный, будто каждое слово сначала проверялось внутри.

До института ехали двадцать минут. За стеклом проплывали пустые пятиэтажки, трубы теплоцентрали и редкие фонари, окруженные снежной пылью. Борис Аркадьевич рассказывал, что здание когда-то принадлежало Научно-исследовательскому центру акустической памяти. Потом центр закрыли, часть помещений отдали городскому архиву, часть опечатали.

— Акустическая память — это что? — спросила Елена.

— Раньше говорили: эхо предметов. Потом перестали говорить.

— Почему?

— Начали слушать.

Он произнес это без улыбки.

Институт оказался низким серым корпусом на окраине. Над входом сохранился прямоугольник более светлого бетона — след от снятой вывески. Внутри пахло пылью, горячими батареями и старой изоляцией. Борис провел Елену по коридору, показал комнату отдыха, санузел, помещение для оцифровки и железную дверь в подвал.

— Туда не ходите. Сектор четырнадцать. Там обрушение.

На двери висела новая цепь, но старый замок под ней был покрыт ржавчиной. Елена заметила на металле девять вертикальных царапин. Восемь коротких, девятая длинная.

— Я не спелеолог, — сказала она.

Борис Аркадьевич снова не улыбнулся.

Работа выглядела обычной: двести сорок семь катушек, восемьдесят шесть кассет, журналы лаборатории, протоколы испытаний. Город продавал здание, и архив требовалось разобрать за месяц. Елена занималась такими заказами семь лет. Плесень, осыпавшаяся магнитная лента, голоса давно умерших людей — все это было ей знакомо и, в отличие от живых людей, редко преподносило сюрпризы.

Она включила настольную лампу, проверила деку и раскрыла первую коробку.

На крышке синим карандашом было написано: «14. НЕ КАТАЛОГИЗИРОВАТЬ».

Внутри лежала одна компакт-кассета без футляра. На белой наклейке — только дата: 17 ноября 2002 года. Число показалось знакомым, но Елена не смогла вспомнить почему.

Она очистила головки деки, вставила кассету и нажала воспроизведение.

Сначала шел ровный шум. Потом кто-то трижды вдохнул совсем рядом с микрофоном.

— История первая, — произнес женский голос. — Лифт, который помнит этажи.

Елена сняла наушники.

Голос был ее собственным.

Она знала каждую его неровность: легкую хрипоту после долгого молчания, привычку смягчать «р», короткую паузу перед существительным. Так звучали ее рабочие заметки. Так она оставляла сообщения друзьям. Но этой записи она не делала.

Елена перемотала начало и прослушала снова.

— История первая. Лифт, который помнит этажи.
На фоне, почти за пределом слышимости, детский голос считал:
— Один... два... три...
На слове «девять» пленка щелкнула, и начался рассказ.

Глава 1. Лифт, который помнит этажи

Максим Орлов не любил новые лифты. В старых все было честно: если кабина скрипела — износились башмаки; если дергалась — барахлил привод; если пахло горелым — нужно отключать питание и искать, где плавится изоляция. Новые лифты улыбались синими дисплеями и ломались молча.

Дом на Северной, 14 был старым, но лифт в нем заменили весной. Девять этажей, машинное помещение на крыше, стандартная система управления. Жалоба жильцов звучала странно: по ночам кабина останавливалась там, где этажа не было.

— Между восьмым и девятым? — уточнил Максим у диспетчера.

— Ниже первого.

— Подвал?

— Подвала по проекту нет.

Он приехал в половине одиннадцатого. В подъезде пахло вареной свеклой и кошачьим кормом. У лифта стояла девочка лет десяти в красной куртке. Волосы были собраны лентой такого же цвета.

— Ты одна? — спросил Максим.

— Я жду маму.

— На каком этаже живешь?

— На последнем.

— На девятом?

Девочка посмотрела на табло. Там светилась цифра 1.

— Последний не всегда сверху, — сказала она.

Максим отвернулся к дверям кабины. Когда снова оглянулся, площадка была пустой. Он решил, что девочка убежала по лестнице, хотя не слышал шагов.

Первые двадцать минут ничего не происходило. Максим проехал с первого на девятый, проверил точность остановок, двери, аварийную связь. Затем подключил сервисный пульт и вызвал журнал ошибок.

Последняя строка появилась в 03:17 предыдущей ночью:

«ЭТАЖ: -1. ДВЕРЬ: ОТКРЫТА. ПАССАЖИР: 1».

Датчиков веса в этой модели не было.

Максим стер ошибку. Дисплей мигнул, и строка возникла снова.

«ПАССАЖИР: 2».

— Очень смешно, — сказал он, хотя рядом никого не было.

Свет в кабине погас. Аварийная лампа окрасила стены тусклым красным. Лифт поехал вниз.

Максим нажал кнопку остановки. Кабина миновала первый этаж — цифра на табло сменилась нулем, потом пустым квадратом. Двигатель работал ровно. По времени они уже должны были уйти на несколько метров ниже фундамента.

«ОНИ» — подумал Максим и тут же разозлился на себя.

А потом услышал дыхание.

Оно доносилось из переговорного устройства. Сначала один вдох. Затем второй. Кто-то маленький, запыхавшийся, дышал на другом конце линии.

— Диспетчерская? — спросил Максим.

Ответа не было.

Кабина остановилась. Двери разошлись.

За ними находился узкий коридор с бетонными стенами. Под потолком горела одна желтая лампа. По обеим сторонам стояли металлические картотечные шкафы. На дальней стене виднелась синяя дверь без ручки.

Максим не вышел. Он нажал кнопку девятого этажа, затем первого, затем аварийного вызова. Ничего.

Из коридора донесся детский голос:

— Максим Сергеевич, вы забыли меня наверху.

Он узнал эту фразу.

Не голос — фразу.

Двадцать четыре года назад, когда Максим был учеником электромеханика, в старом институтском корпусе проводили эвакуацию. В тот день лифт застрял между этажами. В кабине осталась девочка, а Максим, выполняя приказ начальника, отключил питание и ушел помогать в другом крыле. Через девять минут в шахте вспыхнул кабель. Девочку вытащили живой. Так ему сказали.

Ее имени он никогда не узнавал.

— Ты выбралась, — прошептал Максим. — Мне сказали, ты выбралась.

— Вы поверили.

На пороге лежала красная лента.

Максим наклонился. В этот момент двери начали закрываться. Он отшатнулся, но лента зацепилась за край его куртки, будто была привязана к нему. Двери сомкнулись, зажав ткань. Кабина рванулась вверх.

Максим успел расстегнуть молнию и выскользнуть из куртки. Материал с треском ушел в щель. Он упал на пол, ударившись плечом. Свет загорелся. Табло показывало девятый этаж.

Двери открылись.

На площадке стояла старуха в халате и держала пакет с мусором.

— Вы чего там лежите?

Максим поднялся. На шее горела тонкая полоса, словно его хлестнули шнуром.

— Здесь девочка живет? Красная куртка, волосы с лентой.

Старуха побледнела.

— На последнем этаже детей нет.

— Она сказала, что живет здесь.

— Здесь раньше жила Морозова. Лидия Андреевна. У нее дочка была. До пожара.

Максим спустился по лестнице. На первом этаже диспетчерский монитор показывал пустую кабину. Журнал ошибок снова был открыт.

«ЭТАЖ: -1. ДВЕРЬ: ОТКРЫТА. ПАССАЖИР: 2».

Ниже появилась новая строка:

«ПАССАЖИР: 1».

Максим посмотрел на лифт. Из щели между дверями медленно выползала красная лента. На ее конце был завязан ключ с биркой «СЕКТОР 14».

Он забрал ключ.

На следующий день Максим Сергеевич позвонил в городской архив и попросил разыскать Елену Морозову.

Елена остановила пленку.

За окном снег полз вверх по стеклу. В комнате было тепло, но пальцы мерзли.

Она нашла в интернете телефон управляющей компании и спросила Максима Орлова. Диспетчер соединила не сразу.

— Слушаю, — сказал усталый мужской голос.

— Максим Сергеевич? Меня зовут Елена Морозова.

На другом конце наступила тишина.

Потом мужчина очень тихо спросил:
— Сколько историй вы уже слышали?

Глава 2. Дом, считающий вдохи

Максим отказался говорить по телефону. Он обещал приехать утром и велел Елене не включать другие кассеты.

Она согласилась. Через десять минут открыла коробку снов.

Под первой кассетой лежала вторая. Елена была уверена, что раньше ее там не было.

На наклейке значилось: «ИСТОРИЯ 2. С. БЕЛОВА».

Пленка началась с ее голоса:

— Некоторые дома запоминают жильцов по шагам. Этот запоминал их по дыханию.

Соня Белова работала выездной медсестрой в службе паллиативной помощи. Ее пациенты боялись боли, одиночества и того, что близкие устанут раньше, чем закончится болезнь. Соня умела отвечать на эти страхи спокойно. Сверхъестественного она не боялась по той же причине, по которой не боялась темных подъездов: у живых бед всегда было достаточно объяснений.

В доме 9 по улице Мельникова жила Варвара Ильинична, бывшая стенографистка института. Рак легких забирал ее медленно. Каждый вечер Соня проверяла помпу, делала укол и слушала, как старуха жалуется на дом.

— Он считает, — говорила Варвара Ильинична.

— Кто?

— Дом. Вдохи. Когда доходит до девяти, забирает один.

На кухне действительно что-то постукивало в батарее. Восемь коротких ударов, пауза, один длинный.

— Воздух в трубах, — объясняла Соня.

— Воздух в трубах не знает моего имени.

На третий вечер Варвара Ильинична попросила закрыть зеркало простыней.

— Она смотрит оттуда, когда я дышу.

— Кто?

— Девочка Лидии. Елена.

Соня замерла с ампулой в руке.

Имя ничего не должно было значить. И все же в памяти возникла больничная комната: дымный ребенок на каталке, красная лента на запястье, врач кричит, что кислородный баллон пуст. Соня увидела собственные руки — молодые, дрожащие — и ингалятор, который она прижимает к детскому лицу.

Видение исчезло.

— Вы знали Елену Морозову? — спросила Соня.

Варвара Ильинична улыбнулась пересохшими губами.

— Мы все ее знали. Потом Лидия сделала так, чтобы не знали.

В батарее раздался первый удар.

Соня проверила пульс пациентки: частый, но ровный. Второй удар. Варвара Ильинична судорожно вдохнула.

Третий.

— Откройте окно, — попросила старуха.

Четвертый.

Окно не поддавалось. Ручка поворачивалась, рама оставалась неподвижной, будто снаружи ее держали.

Пятый.

Соня бросилась в коридор. Входная дверь была заперта, хотя ключ торчал в замке. За дверью слышалось детское дыхание.

Шестой.

— Не давай ему закончить, — сказала Варвара Ильинична.

Седьмой.

Соня отсоединила помпу, достала переносной кислородный баллон и надела маску на лицо пациентки.

Восьмой.

Тишина растянулась. Соня ждала длинного девятого удара.

Вместо него из зеркала под простыней донесся кашель.

Ткань медленно втянулась к стеклу, обрисовывая лицо с маленьким ртом. Простыня прилипла к невидимым губам. Раздался вдох.

Кислородный баллон в руках Сони стал ледяным. Манометр показал ноль.

— Он забрал мой вдох, — прошептала Варвара Ильинична. — Теперь твой.

Соня сорвала маску и сделала пациентке искусственное дыхание. Один вдох. Второй. На третьем ей показалось, что воздух из легких уходит не в старуху, а глубже — в дом, в трубы, в стены.

Под простыней ребенок открыл глаза. Две впадины проступили на ткани.

— Девятый, — сказал голос.

Соня перестала дышать.

Она зажала нос, прижала ладонь ко рту и считала секунды. Десять. Двадцать. Тридцать. В груди вспыхнула боль. Стены тихо потрескивали, ожидая вдоха.

Варвара Ильинична вдруг подняла руку и ударила по батарее металлической ложкой.

Один раз.

Трубы загудели. Где-то в доме хлопнули двери. Чужой мужской голос закричал этажом выше, и тишина рассыпалась на множество звуков.

Соня вдохнула.

Окно распахнулось само. В комнату ворвался снег. Простыня упала с зеркала. В отражении никого не было, кроме двух женщин.

Варвара Ильинична прожила до утра. Перед смертью она попросила Соню записать продиктованную фразу:

«Память нельзя пересадить целиком. Она приживается кусками и требует назад тех, у кого была взята».

Затем старуха назвала адрес института и сказала:

— Когда услышишь свой рассказ, принеси туда красную папку. Она за шкафом.

Папка оказалась набита стенограммами. На первой странице стояла дата 17 ноября 2002 года и название проекта: «МНЕМОС. ПРОТОКОЛ ДЕВЯТИ СВИДЕТЕЛЕЙ».

В списке участников под номером два было имя Софьи Беловой.

Соня не помнила, чтобы участвовала в каком-либо проекте.

Но подпись была ее.

Елена сняла наушники и услышала стук.

Восемь коротких ударов по батарее. Пауза.

Она задержала дыхание.

Девятый удар раздался изнутри коробки.

Глава 3. Звонок с затопленной станции

Максим приехал в семь утра. Он выглядел старше голоса: сутулый, седой, с красным рубцом на шее. В руке держал прозрачный пакет. Внутри лежали ключ и красная лента.

— Вы включили вторую, — сказал он вместо приветствия.

— Откуда вы знаете?

— Теперь на улице Мельникова во всем доме стучат батареи.

Елена впустила его в аппаратную. Рассказ о кассетах Максим выслушал стоя. Когда она дошла до проекта «Мнемос», он закрыл глаза.

— Я был первым свидетелем, — сказал он. — Видимо, Белова — вторая. Нас должно быть девять.

— Свидетелями чего?

— Если бы я помнил, мне не понадобилась бы пленка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.